

ФОРМЫ МЫ-АДРЕСАНТА В ДРЕВНЕРУССКОМ ЭПИСТОЛЯРНОМ ТЕКСТЕ

Лексико-грамматическая экспликация адресанта является неотъемлемой частью эпистолярного текста. Выбор способов автореферентных номинаций связан с регистром общения, авторской модальностью и, что особенно важно при изучении письменных памятников, с типом текста, т.к. использование той или иной формы может быть связано с меж- и внутрижанровым взаимодействием изучаемых источников.

В настоящей статье анализируется использование в древнерусских эпистолярных текстах XI–XVII вв. местоименных и глагольных форм множественного числа, относящихся к сфере номинаций адресанта (далее – *мы-адресанта*). В русском литературном языке нового времени (нач. XVIII – XX вв.) транспозиция данного типа представлена как множественное скромности или самоуничижения (*мы люди не местные*), множественное величия (*мы, смиренный Тихон, Патриарх Московский и вся Русь*), множественное совместного действия при вежливом обращении (*На что жалуемся?*), авторское *мы* и др. [Балакай 2004: 267–269]. Контексты, как правило, позволяют однозначно квалифицировать коммуникативную семантику избираемых говорящим грамматических средств. В древнерусской переписке формы *мы-адресанта* широко распространены, и их употребление являет пеструю картину: к примеру, названные формы отмечены в 48 из 65 изученных частных духовных писем (74%), семантическое распределение следующее: в 36 письмах (55,4%) референт – адресант и адресат (*благодаримъ убо и поклонимся постившагося Владыку и пост намъ взаконившаго...* – частное духовное письмо митрополита Никифора Владимиру Мономаху, до 1121 г. [Понырко 1992: 66]; в 12 письмах (18,46%) референт – адресант и коллектив, к которому он принадлежит (*...грешный чернец Иосиф... со священники и з братиею вси соборне со слезами челом бием* – официальное просительное письмо Иосифа Волоцкого Ивану III [Послания 1959: 229]); в 20 письмах (30,7%) референт – сам адресант (*мы не имамъ премолчати, но имамъ ти инако отписати* – официальное просительное послание неизвестного архиепископа князю, XV в. [Русская 1908: 882]). Интерес представляет последний тип, т.к. именно в нем представлена транспозиция форм (как в границах определенной разновидности писем, так и в пределах конкретного текста), требующая комментария с точки зрения своего происхождения, значения, регулярности и предсказуемости, а также контекстуальной обусловленности.

В рамках данной статьи мы ограничимся анализом употребления форм *мы-адресанта* в отдельных смысловых блоках эпистолярных текстов XI–XVII вв. («презентация коммуникантов», «констатация получения письма») и в собственно информативной части. Для анализа привлекался материал различных типов писем (частного светского, частного духовного, официального служебного), созданных духовными лицами; такой выбор был сделан с целью нивелировать «фактор адресанта», т.е. уменьшить различия,

связанные с влиянием социокультурного статуса автора. Адресантом и адресатом всех текстов являются отдельные личности, а не коллектив (ср. послания соборов епископов, окружные пастырские послания).

Использование форм *мы*-адресанта в формуле презентации коммуникантов в зачине письма нетипично. В частной и официальной переписке формы единственного числа используются вне зависимости от соотношения позиций (выше-, нижестоящий) адресанта и адресата: *Поклоняние от моего недостойнства къ твоему преподобьству, милыи мои господине...* – частное духовное письмо Кирила Туровского архимандриту Василию, до 1182 г. [Понырко 1992: 166]; *Благословение о Святем душе възлюбленому сыну моему...* – частное бытовое письмо митрополита Киприана, 1380-е гг. [Послания 1978: 204]; *Благодарю, сыну, и благословляю, и бога молю о твоём благородии...* – письмо-протекция митрополита Иона некоему князю, 1448 г. [Русский 1986: 80]. Во всем проанализированном корпусе тестов лишь в двух официальных служебных письмах архиепископа Геннадия 1488–1489 гг. отмечены формы *мы*-адресанта в приветствии: *...достойную духовную любовь сим нашим писанием въспосылаем...* [Казакова 1955: 312, 315]. Очевидно, эти формы возникли под влиянием официальных посланий священнических соборов, ср.: *Благословение Геронтия, митрополита всеа Руси... купно же и с своими детьми и сослужебники... соборне вси тебе... благословляем, и челом бьем, и молим...* – послание митрополита Геронтия великому князю Ивану III, 1480 г. [Русский 1986: 335]. В выборе форм множественного числа, возможно, отразилась генетическая связь стилистики древнерусской и византийской переписки, регулярно обнаруживаемая в структуре и формуляре текстов (как известно, первые церковные иерархи на Руси были греками по происхождению; древнейшее официальное служебное послание духовной тематики у восточных славян, письмо митрополита Иоанна архиепископу римскому Клименту 1080-х гг., создано на греческом языке). В греческих посланиях широко используется *мы*-номинация, например: *...молимъ Вседержителя Бога даровать твоему благородію здравіе, душевное благорасположеніе, крепость и благосостояніе телесное...* – патриарх Филофей великому князю Димитрию Ивановичу, 1380 г. (современный перевод греческого текста) [Русская 1908: 98–99]. Священнический собор ни разу не упоминается в послании Филофея, см. далее: *Я узналъ и известился о всемъ... и возблагодарилъ Бога о твоёмъ добромъ здравіи...* [Русская 1908: 99–100].

Выбор форм числа при указании на адресанта в блоке «**констатация получения письма**» обнаруживает зависимость от разновидности эпистолярного текста. Частные светские и частные духовные письма последовательно отражают *я*-адресанта: *...все познал есмь от слов ваших* – митрополит Киприан неизвестным, 1378 г. [Послания 1978: 202]; *Почет писание твоя любве <...> с радостию прочет пред многими послухи и пред князем Изяславом тобою присланное ко мне писание* – письмо Кирила Туровского архимандриту Василию, до 1182 г. [Понырко 1992: 124], XII в.; *Отверзе ... твое поучение с великою радостию, и любовию приях, и любезно прочтох, и ползовахся зело* – письмо И.И. Головина Иосифу Волоцкому, XVI в.

[Послания 1958: 334], и др. Официальные послания содержат обе формы с преобладанием *мы*-адресанта, в чем видится безусловное влияние эпистолярных и юридических текстов, фиксирующих коллективные решения, а не отражение формы *мы*-величия. Это предположение основано на многочисленных контекстах, один из самых древних представлен в берестяной грамоте № 870, сер. XII в.: *покланяние отъ вьсехъ лоудье къ петръви и къ якъше се есме слу[шали о]же грамът...* ('Поклон от всех людей Петру и Якше. Вот мы слышали, что...') [Зализняк 2004: 316]. Другой пример – из переводного греческого послания: *донесли къ намъ [посланіи отъ твоея власти] грамоты, слышалъ есмь и вси митрополити и святители нашего събора...* – патриарх Нифонт великому князю Михаилу, 1312 [Русская 1908: 147]. Подобное употребление предопределило возможность использования формы множественного числа в официальных письмах с единичным адресантом: *Святое твое посланіе зъ богодухновенымъ поученіемъ до насъ дошло. Мы же смиреніи со всяцемъ благодарениемъ прияхомъ, и со многимъ страхомъ и вниманіемъ прочтохомъ и велію пользу прияхомъ, и силе словесъ удивихомся* – послание новгородского архиепископа Макария митрополиту Даниилу, XVI в. [Жмакин 1881: 57]. В поздних текстах примечательно частое использование обеих форм в одном контексте, например: *Егда убо прочтохомъ о вашемъ Царскомъ здравіи посланную къ намъ грамоту, велми духовне возрадовахся* – письмо патриарха Филарета царю Михаилу Федоровичу, сер. XVII в. [Письма 1848: 33].

Особый интерес представляет использование форм множественного числа в **семанте (информативной части)** древнерусских писем. *Мы*-адресанта свободно чередуется с *я*-адресанта, нередко в пределах одного высказывания: *Покрыты же суть оных еретик клятвою укоризною маркианския глаголю и месанианския...* – и дальше: *Сия же въспоминаем твоему боголюбию* – послание архиепископа Геннадия епископу Прохору Сарскому, 1487 [Казакова 1955: 310]; *Ползы бо ради сия писах тебе, поминаа рекшаго...* *Да и тебе молим тя... еже будет зле творимаа нами, такожде писанием възвести нам, а то мне от тебе за великую любовь* – послание архиепископа Геннадия Иоасафу, бывшему архиепископу Ростовскому, 1489 г. [Казакова 1955: 320]; *...всемъ пишу, которыи отъ насъ рукоположенъе пріяша* – послание митрополита Ионы смоленскому епископу Мисаилу [Акты 1841: 112]. Именно в таких контекстах, на наш взгляд, отражены подлинные формы *мы*-величия и *мы*-самоуничтожения, не связанные с выражением коллективного мнения («я и представители власти;» «я и христианский мир»). Такую же собственно модальную семантику заключают метонимические номинации типа *моя худость / наша худость, азъ худый / мы худыи, мое смирение / наше смирение* и т.д., употребляемые в письмах духовных лиц вне зависимости от характера текстового фрагмента (устойчивый / свободный, этикетный / информативный). Исследователи С. Фаль, Ю. Харней, Г. Штурм выявили греческие источники выражений данного типа, указав на папирусный источник 263 г., содержащий первое в греческой литературе абстрактное наименование – эпитет лица [Фаль 1996: 113–114]. Специфика данных номинаций заключена в

их общем грамматическом значении единственного числа при включении в них местоимения в форме множественного числа: *Молится... смирение наше человеколюбцу богу* – послание митрополита Ионы князю Юрию Семеновичу Лингвениевичу, 1459–61 гг. [Русский 1986: 214]; *Преподобство твое испроси у нашего художства слова* – письмо Феофана монаху Прохору, XIV в. [Послание].

Выводы

1. Формы *мы*-адресанта появляются и закрепляются в древнерусской эпистолярной культуре начиная с XI в.

2. Формы *мы*-величия и *мы*-уничуждения формируются на основе *мы*-коллективного в результате расхождения коммуникативной семантики оборотов. Такую эволюцию демонстрируют еще ранние византийские эпистолярные и юридические источники, и славянские тексты либо наследуют эту особенность, либо развивают ее самостоятельно как коммуникативную универсалию.

3. В ряде древнерусских писем (примеры представлены среди текстов всех разновидностей посланий) обнаруживается отсутствие четкого противопоставления высказываний, референтных одному лицу, высказываниям, референтным группе лиц. Форма множественного числа, особенно в составе устойчивого высказывания, позволяет интерпретировать образ автора как осознающего себя не индивидуальностью, но частью всего общества (христианского мира, собрания властей), и это осознание постоянно эксплицируется им, в том числе в межличностном общении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией: в 5 т. – СПб.: Типография Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1841–1842. – Т. 1: 1334–1598. – 1841. – 594 с.

2. Балакай, А.Г. Толковый словарь русского речевого этикета / А.Г. Балакай. – М.: ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2004. – 681 с.

3. Жмакин, В. Митрополит Даниил и его сочинения / В. Жмакин; Издание Императорского общества истории и древностей российских при Моск. ун-те. – М.: Университетская типография, 1881. – XIV, 762, 96, X, IV с.

4. Казакова, Н.А. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века / Н.А. Казакова, Я.С. Лурье; АН СССР, Музей ист. религии и атеизма; отв. ред. В.Д. Бонч-Бруевич. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 544 с.

5. Письма Русских Государей и других особ Царского семейства, изданные археологической комиссией. 1526-1658. – М., 1848. – VIII, 326, 30 с.

6. Поньрко, Н.В. Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII вв. Исследования. Тексты. Переводы / Н.В. Поньрко; РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). – СПб.: Наука, 1992. – 216 с.

7. Послание мудрого Феофана монаху Прохору, XIV в. // Российская Академия наук. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); подгот. текста, перевод и коммент. Г.М. Прохорова [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4986>. – Дата доступа: 18.05.2008.

8. Послания Иосифа Волоцкого / подгот. текста А.А. Зимина, Я.С. Лурье; отв. ред. И.П. Еремин. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 387 с.

9. Послания митрополита Киприана // Прохоров, Г.М. Повесть о Митяе: Русь и

Византия в эпоху Куликовской битвы / Г.М. Прохоров; АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – Л.: Наука, 1978. – С. 193–204.

10. Русская историческая библиотека: в 39 т. – СПб.–Л., 1872–1927. – Т. 6, ч. 1: Памятники древнерусского канонического права (Памятники XI–XV в.). – 1908.

11. Русский феодальный архив XIV – первой трети XV века: в 4 т. / под ред. В.И. Буганова; АН СССР, Ин-т ист. СССР. – М.: Ин-т ист., 1986–1988. – 4 т. – 219 с., с. 220–457, с. 458–695, с. 696–941.

12. Фаль, С. Адресат и отправитель в древнерусских письмах / С. Фаль, Ю. Харней, Г. Штурм // Труды Отдела древнерусской литературы / редкол. А.А. Алексеев и др.; РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – Т. 50. – С. 113–132.